

Митриковская Людмила Степановна

канд. культурологии, преподаватель

МАУДО «ДШИ №1»

г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

МИРОПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: в данной статье автор поднимает проблему кризиса высокого искусства в современном обществе, рассматривает особенности современной «элитарной» культуры и культуры «массовой».

Ключевые слова: общество, искусство, «элитарная» культура, «массовая» культура.

Постнеклассический стиль культуры ориентируется на мозаичную организацию пространства в синкретическом способе восприятия мира. Разрушение стилевой целостности через деперсонализацию, распад приводит к «философствованию без субъекта» или «смерти автора». Общество, люди становятся средством в достижении навязанных целей. Богатый опыт манипулирования материальным и духовным в рыночных отношениях культуры и искусства часто довольствуется благодарной подкормкой затхлой умиротворённости. Мораль мало заботит частных собственников, заказчиков, где люди становятся средством в достижении чужих навязанных целей. Такая «децентрация личности» ведёт к управлению чужим бессознательным, поступая хаотически. Тем более трудно говорить о чувственных представлениях художественного эффекта, где множественность текста оборачивается отсутствием автора. Дыхание искусства может поддерживаться в человеке, способном думать не о сиюминутном – о вечных ценностях культуры общества. Исполнить высшее призвание каждый человек должен только сам лично, не надеясь, что придут лучшие времена, когда это у него получится «само». Такие времена никогда не наступят. Но всегда будут люди, служащие своему идеалу – ядру культуры, объединяющему, а не отчуждающему народы, стоящие на страже вечных ценностей добра и морали, кто осмеливается брать в руки кисть после Мазаччо, Леонардо и Рафаэля.

Порывая с эгоцентризмом в творчестве, признавая нормой максимуму нравственности как ордер, Ю. Хабермас ещё в прошлом веке проводил идею коммуникативного предпочтения стратегическому [1]. В искусстве, с целью восстановления любого консенсуса также важно понимание прозрачности добровольного участия вне агрессии и в рамках общепринятой морали, наработанной человечеством, где любое произведение искусства предполагает широкое, но не беспредельное поле для чужих интерпретаций, пусть самых уважаемых и достойных пристального к себе внимания. А в пике современной конкурсомании в науке, искусстве необходимо напомнить о равных стартовых возможностях участников как острейшей социальной проблеме и возрастной психологии, если мы говорим о детях, во избежание пара-подтасовок, приводящих к зарождению цинизма, ощущения бессилия и бесполезности людей в обществе. Не случайно вековые народные традиции донесли опыт, где побеждала дружба и взаимопонимание, и кинопрограммы ещё в недавнем прошлом назывались «Шире круг», а не «Как стать миллионером»...

Банальность духовных запросов, низменность вкусовых потребностей вовсе не врождённое, а навязанное социумом свойство общества. Рыночные отношения в искусстве и культуре создают привилегии лишь для власть имущих. Разделение масс в частнособственнической картине мира ограбляет народ, угнетаемый не только материально, но и духовно. Балаган, лубок, плохой шансон, комикс или беззастенчивую рекламу – простому народу, возвышенную, одухотворённую поэзию, тонкую живопись – «аристократии» – вовсе не новая мысль, поддерживаемая такими философами как Ортега-и-Гассет, и требующая немедленного проведения разграничительной черты между избранными и безликой толпой: «...негативное настроение издевающейся агрессивности, превращение в фактор эстетического удовольствия...» – так Ортега определяет сущность пост-модерна. Страшно то, что, эксплуатируя банальщину в кинопрокате, сегодня элита отказывается даже от мысли поднять уровень отсталых слоёв населения, прививать интерес к настоящим духовным ценностям.

Современная «элитарная» культура вовсе не так космически далека от культуры массовой в стремлении увода от действительности или в обдуманном намерении дегуманизации искусства. Элита опускается сегодня до рынка «массовой» культуры, в которой, зачастую, больше глубины и содержательности. Деление на «избранных» и «толпу» – самое бесчеловечное в мире. Не видеть океан одарёнейших людей в искусстве, сознательно закрывая им дорогу, указывая на низкопробный удел, просто безнравственно. Предмет развлечения или утешения не поддерживает и не окрыляет метафизику человека, вгоняя его в небытие. Приобщение к искусству через насильственное раскрытие собственного понимания мира вмешательством навязываемых стереотипов в личную жизнь человека скрывает потребительскую природу собственной несостоятельности автора, своих расчётов или собственной карьеры. Любая художественность в извращённой форме трагической эстетики фарса чаще необходима для самоутверждения чужой истории. Шум и суэта развлекательности становится бессовестным заманиванием клиентуры с головокружительным обещанием счастья с подменой этого счастья. Суррогат идеала, производство ради производства внутренне заражают искусство. Современные авторы, заигрываясь техническими возможностями, теряют наличие бытийственности как таковой. Такое искусство, превосходя в эффектности, меньше задевает, поражает и волнует, включая природу наблюдения, а не непосредственного общения с человеком.

Таким образом, этика дискурса лабораторных опытов в искусстве и культуре предполагает в решении конфликтных ситуаций меру реальной ответственности перед личностью и готовностью предпринимать действия по локализации их негативных последствий. Тот же Ю. Хабермас представляет реальный вариант глобального миропонимания в человеческом сообществе [1]. Ему удалось избежать раздвоения пуританской борьбы и радостей человеческого существования. Цельность мироощущения идейно-художественного синтеза позволяет не путать сюжет с содержанием в создании предмета искусства, а тем более, не сво-

дуть содержание к сюжету, как оправдание поверхностности. Любой кризис высокого искусства вызван профессиональной недоступностью для общества, где для истины остаётся лишь возможность исполнения речи о ней.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность // Московские лекции и интервью. – М., 1995. – С. 7, 92.